

эту собственность (и имеющих деньги). Единственное, что необходимо, согласно минейной редакции, монаху для того, чтобы иметь «одежда и обуша», а также «купити и продавати» различные вещи, и в том числе «святые иконы и книги», это разрешение настоятеля.¹ Отвергая возможный аргумент своих оппонентов, «яко в киновии (общежительном монастыре, — Я. Л.) вся обща суть», Иосиф специально напоминает им о наличии у монахов личной собственности: «Егда же кто възьмет нашу особную вещь, тогда не глаголем, яко в киновии вся обща суть, но яко зверии дикий бываем».² В соответствующем слову «о одеждах и о обушах» третьем «запрещении» Иосиф указывает на то, что монах, не довольствующийся положенным ему количеством монастырских вещей (даже при системе «трех устроений»), «своя одежда и обуша да имат».³ Точно так же ставится вопрос и в послании Иосифа «некому о Христе брату», в значительной степени совпадающем по содержанию с соответствующими «словами» «Устава», — монаху здесь разрешается «святые иконы и книги и вещи и сребреницы и платиа по совету с настоятелем дръжати».⁴

Ярким свидетельством того, что принцип полной личной нестяжательности монахов, провозглашенный краткой редакцией «Устава», не соблюдался впоследствии (и вместе с тем — доказательством реального практического значения, которое имел этот принцип), может служить полемика преемника Иосифа, будущего митрополита Даниила, в бытность его игуменом Волоколамского монастыря (1515—1522 годы), с монахами этого же монастыря по вопросу о нестяжании. Даниил упрекал волоколамских иноков, что они держат «особенные вещи» «и продающе и купующе и росты на росты емлюще и особну рукодельствующе, сребро и злато копяще».⁵ В ответном послании иноки настаивали как раз на своем праве иметь деньги для того, чтобы «стяжати книги и иконы». Они ссылались на то, что «преподобный игумен Иосиф благословил нас и велел держати иконы и книги»,⁶ имея в виду, очевидно, последнюю (минейную) редакцию «Устава», где запрет владения книгами и иконами был снят.

Идея «евангельской нищеты» была хорошо известна волоколамским инокам и при игумене Данииле. Но идея эта, как мы видим, была достаточно растяжима и далеко не всегда толковалась в смысле полного «нестяжания» монахов: в XVI веке «евангельская нищета» не мешала монахам владеть иконами, книгами, деньгами и «особыми вещами».

В краткой редакции все эти уступки еще совершенно отсутствовали. Монах, живущий «в киновии», говорилось в «слове» об иконах и книгах, не должен даже употреблять слов «твое» или «мое», «сего» или «оного»; если же этот принцип не соблюдается, то «не подобает сия общая жития нарицати, но разбойническаа съборища и святокрадения и всякого лукавства и злоба исполнена».⁷

Принцип нестяжания характерен не только для 5-го «слова» об иконах и книгах. Он развивается также в 4-м «слове» — «об одеждах и обушах».

Характеризуя краткую редакцию «Устава» в целом, мы можем выделить три основные темы, проходящие через этот памятник.

¹ ВМЧ, стлб. 523.

² ВМЧ, стлб. 527.

³ ВМЧ, стлб. 612. Разрядка наша, — Я. Л.

⁴ Дополнения к Актам историческим, I, СПб., 1846, № 211, стр. 359.

⁵ ГПБ, Соф. 1456, л. 42 об. Приведенное «слово о иноческом законе» не издано; см. о нем: В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 663—671.

⁶ Р. Жмакин. Митрополит Даниил..., приложение XIX, стр. 55 и 57.

⁷ Сол. 346/326, л. 26 об.